

Dymitr Abuszenko (Дмитрий Борисович Абушенко)

Uralski Państwowy Uniwersytet Prawniczy

(Уральский государственный юридический университет)

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ, СВЯЗАННЫХ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ МОМЕНТА ИЗМЕНЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ ПРИ ВЫНЕСЕНИИ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ПО ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОМУ ИСКУ

В российской правовой науке, скажем прямо, совсем немного ученых, способных на высоком теоретическом уровне проводить анализ правовых явлений на межотраслевом уровне. Видимо, этому способствует отраслевая специализация, которая начинается с самых первых шагов в юридическую науку – молодой исследователь уже при поступлении в аспирантуру вынужден четко определиться со сферой своих научных интересов. И в дальнейшем судьба российского правоведа складывается, как правило, в уже заданном русле – крайне редко мы видим, чтобы ученый отступил от „родной” отрасли и погрузился в совершенно иную проблематику. Однако целый ряд правовых институтов носят пограничный характер, и правовое регулирование здесь должно быть „стереоскопическим”, синхронизирующим действие таких институтов с иными, используемыми в других правовых отраслях, моделями. В итоге же получается, что разработкой законов, как правило, занимаются узкоотраслевые специалисты, а законотворческий „продукт” просто обречен на конфликты с теми нормативными актами, в которых хоть и постулируется регулирование иных (с точки зрения принятого отраслевого деления) правоотношений, тем не менее используются, по сути, те же правовые конструкции и модели.

В Российской империи в конце XIX – начале XX вв., несмотря на явное разделение материальных и процессуальных отраслей, столь очевидного разрыва в научных исследованиях и законотворческой работе не существовало. Полагаем, основной причиной здесь было то, что практически все известные представители процессуальной науки были выходцами из лона цивилистического. И, конечно же, Е. В. Васьковский был ярчайшим представителем той плеяды дореволюционных ученых, которые совершенно спокойно обращались к разным (с точки зрения их отраслевой принадлеж-

ности) правовым явлениям. Написанные им блестящие работы по теории права, гражданскому праву и гражданскому процессу показывают, сколь ценным является „сквозное” видение правовых институтов. Полагаем, что современные исследователи могли бы брать пример с мэтра – потребность в серьезном анализе межотраслевых правовых явлений вполне очевидна, а та легкость, с которой он оперировал совершенно разными отраслевыми конструкциями, это то, к чему все мы должны стремиться.

Настоящая статья посвящена довольно узкой проблематике, связанной с правовым эффектом, возникающим в связи с вынесением судебного акта об удовлетворении преобразовательного иска¹. Дело в том, что действующее российское законодательство не уделяет какого-то особого внимания определению момента изменения и прекращения материального правоотношения при вынесении судебного решения по преобразовательному иску.

И в семейном, и в гражданском законодательстве содержатся общие нормы, связывающие момент прекращения соответственно брачно-семейного и договорного правоотношения при его расторжении с датой вступления соответствующего решения суда в законную силу (п. 1 ст. 25 Семейного кодекса РФ², п. 3 ст. 453 Гражданского кодекса РФ³). Аналогичным образом решается вопрос с изменением договорного правоотношения (п. 3 ст. 453 ГК РФ). Судебное прекращение действия патента как следствие признания его недействительным также происходит на основании вступившего в законную силу решения суда (п. 4 ст. 1398 ГК РФ). Усыновление прекращается со дня вступления в законную силу решения суда об отмене усыновления ребенка (п. 3 ст. 140 СК РФ).

Отнюдь не самым очевидным образом выражена законодателем идея о прекращении корпоративного правоотношения для случая судебного исключения участника: закон не содержит прямого ответа на вопрос, прекращается ли оно с момента вступления в законную силу судебного акта или же с момента внесения соответствующей записи в единый государственный реестр юридических лиц (см. п. 1 ст. 67, п. 2 ст. 76 ГК РФ, ст. 10 ФЗ от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ „Об обществах с ограниченной ответственностью”).

Зачастую же законодатель вообще не считает нужным как-либо акцентировать внимание на моменте изменения или прекращения материального правоотношения. Например, для процедуры судебного выдела доли (ст. 80, п. 3 ст. 252, ст. 255 ГК РФ) отсутствуют нормы, которые бы определяли момент, с которого участник долевой собственности (участник полного товарищества) утрачивает право на долю в общем имуществе (долю в складочном капитале). Нет прямого указания в законе и применительно

---

¹ Оговоримся: мы вслед за Е. В. Васьковским и рядом иных исследователей не ставим под сомнение само существование преобразовательных исков.

² Далее – СК РФ.

³ Далее – ГК РФ.

к случаю, когда порядок использования пожертвованного имущества определяется на основании решения суда (п. 4 ст. 582 ГК РФ).

Означает ли это, что для законодателя вопрос о моменте изменения или прекращения материального правоотношения при вынесении судебного решения по преобразовательному иску не является сколь-нибудь сложным и в общем и целом – даже для случаев, когда соответствующее прямое указание в норме отсутствует, – разрешен однозначно в пользу момента вступления судебного акта в законную силу? Отнюдь. Имеются нормы, в которых реализован совсем другой подход.

Во-первых, по-иному определяется момент прекращения материального правоотношения при вынесении судебного решения о признании недействительной оспоримой сделки. Здесь по смыслу закона возможны два варианта: общий – недействительность сделки с момента совершения и специальный – недействительность на будущее время (п. 3 ст. 167 ГК РФ)⁴.

Во-вторых, для такого специфического способа защиты как признание недействительным решения собрания установлено правило, в соответствии с которым оспоримое решение собрания, признанное судом недействительным, недействительно с момента его принятия (п. 7 ст. 181.4 ГК РФ).

В-третьих, реализованная в действующем российском законодательстве конструкция недействительности брака (п. 2, 7 ст. 27 СК РФ) позволяет утверждать, что подобно оспоримой сделке брак существует вплоть до судебной констатации его недействительности, однако само судебное решение поражает брачно-семейное правоотношение ретроспективно – брак признается недействительным со дня его заключения.

Почему же в одних случаях преобразовательный эффект судебного решения совпадает с моментом вступления судебного акта в законную силу, а в других – переносится в прошлое? Что является определяющим в том, как должно „препарироваться” материальное правоотношение? Ответы на эти и подобные им вопросы, на наш взгляд, могут быть даны лишь при тщательном анализе как материально-, так и процессуально-правовых институтов. Подходы, игнорирующие логику правового регулирования в иной отрасли, могут привести здесь к внутренне противоречивым законодательным моделям, а это по понятным причинам не самым положительным образом влияет на гражданский оборот.

Итак, для начала отметим, что в правовой доктрине, на наш взгляд, не может быть выработано некое универсальное правило относительно того, каким должен быть эффект правоизменяющего и правопрекращающего преобразовательного судебного решения – исключительно ретроспективным или же, наоборот, перспективным. Обосновывается это достаточно

---

⁴ Судебные решения о признании недействительными ничтожных сделок мы намеренно игнорируем, поскольку с точки зрения известной классификации исков они представляют собой не преобразовательные иски, а отрицательные иски о признании.

просто: многообразие материально-правовых конструкций объективно подталкивает законодателя к наделению заинтересованных субъектов разными способами защиты, которые для одних случаев вполне справедливо направляют поражающий эффект в прошлое, а для других, напротив, в будущее.

Однако можно ли утверждать о принципиальной невозможности выработки подходов, которые определяли бы некие общие направления законодательного регулирования в вопросах временного распространения преобразовательного эффекта судебного решения? Полагаем, что нет. Здесь для целей настоящего исследования мы бы разделили „препарируемые” судом материальные правоотношения – в зависимости от того, существовал или нет на момент возникновения такого правоотношения порок – на две условные группы:

1) правоотношения, трансформируемые по основаниям, связанным с пороком;

2) правоотношения, трансформируемые по основаниям, не связанным с пороком.

По вопросу временного распространения преобразовательного эффекта судебного решения в отношении правоотношений, трансформируемых по основаниям, не связанным с пороком, мы уже высказывали некоторые соображения⁵. Обратим теперь более пристальное внимание на первую из выделенных выше групп. Итак, эта группа материальных правоотношений характеризуется тем, что уже в момент их возникновения имелся тот или иной порок. Подчеркнем: для оборота такой порок не является критичным – материальное правоотношение существует, стороны исполняют возникшие обязанности и реализуют корреспондирующие им права, однако же заинтересованные субъекты (сами стороны материального правоотношения, а иногда и некоторые другие лица) наделяются возможностью, обратившись к судебной процедуре, реализовать свой законный интерес к поражению (изменению) позитивно-правовых последствий, порожденных этим правоотношением.

В гражданском праве этой конструкции соответствуют, прежде всего, оспоримые сделки – их совершение влечет ровно те последствия, что преследовали стороны, однако судебным решением о признании такой сделки недействительной можно нивелировать возникший правовой эффект. Полагаем, что в качестве общей посылки следует исходить из того, что признание оспоримой сделки недействительной с момента вступления судебного

---

⁵ См. Абушенко Д. Б. *Преобразовательное решение суда как юридический факт: некоторые вопросы ретроспективного и перспективного эффекта*. В сб.: *Юридичні факти в системі правового регулювання*. Зб. наук. праць. Матеріали VI міжнар. наук.-практ. конф. (Київ, 26 лист. 2015 р.) / за заг. ред. Н. М. Пархоменко, М. М. Шумила, І. О. Ізарової. – К.: ВД „Дакор”, 2015. С. 102–107.

решения в законную силу (или в более поздний промежуток времени) будет малоэффективным, поскольку к такому моменту стороны уже могли полностью или в части исполнить возникшее из сделки обязательство. Очевидно, что интерес истца, как правило, будет состоять в опорочивании сделки именно с момента ее совершения. И если в подобной ситуации не использовать ретроспективный поражающий эффект, то ответчик будет довольно очевидно стимулирован к затягиванию судебного разбирательства и максимальному отдалению момента вступления судебного решения в законную силу. Понятно, что здесь законодатель просто провоцировал бы ответчика, заинтересованного в исполнении обязательств, возникших из оспариваемой сделки, к процессуальным злоупотреблениям. Попутно отметим, что даже если к моменту вынесения судебного решения обязательство, возникшее из сделки, уже исполнено (и, следовательно, прекращено), это не препятствует ретроспективной судебной констатации недействительности сделки – произведенное исполнение подлежит возврату в рамках реституционных последствий.

По этим причинам следует признать, что поражение позитивно-правовых последствий оспариваемой сделки именно с момента ее совершения является наиболее оптимальным (этот вывод мы предлагаем рассматривать как *общее правило* для случаев судебной трансформации материального правоотношения по основаниям, связанным с пороком).

Отдельного рассмотрения требует случай т.н. *адаптации* сделки: п. 4 ст. 178 ГК РФ предусмотрено, что „сделка не может быть признана недействительной по основаниям, предусмотренным настоящей статьей, если другая сторона выразит согласие на сохранение силы сделки на тех условиях, из представления о которых исходила сторона, действовавшая под влиянием заблуждения. В таком случае суд, отказывая в признании сделки недействительной, указывает в своем решении эти условия сделки”. Что получается? В результате сложного фактического состава (а) совершение сделки под влиянием существенного заблуждения; б) предъявление иска об оспаривании такой сделки по основаниям, связанным с существенным заблуждением; в) возбуждение судебного производства по этому иску; г) выражение ответчиком согласия на сохранение силы сделки на тех условиях, из представления о которых исходил истец; д) отсутствие истекших давностных сроков для оспаривания сделки и/или незаявление ответчиком о применении исковой давности) суд обязан вынести решение, которым возникшее из сделки правоотношение не прекращается, а изменяется. Причем содержательно такое изменение определяется не усмотрением суда, а исключительно волей сторон (действительной волей истца, которая наличествовала при совершении сделки, и волей ответчика, направленной на сохранение – пусть и в измененном виде – договорного правоотношения). Есть ли какие-либо разумные доводы к тому, чтобы обратить правоизменяющий эффект такого судебного

акта в будущее или, по крайней мере, с момента, когда ответчик выразил волю к адаптации сделки? Полагаем, что нет. Любой подход, который смещает момент адаптации на более поздний (нежели дата совершения сделки) срок, ведет к совершенно искусственному и лишнему какой-либо логики „расщеплению” правоотношения: получается, что с момента совершения сделки между сторонами будет одно правоотношение (к возникновению которого изначально стремился ответчик, но по поводу которого заблуждался истец), а после адаптации – иное (о возникновении которого изначально полагал истец, но ответчик согласился лишь по истечении какого-то времени). В этой ситуации не только может возникнуть неясность в исполнении взаимных прав и обязанностей, но и, что более важно, будет, по сути, проигнорирован интерес истца, изначально требовавшего признать сделку недействительной. Подчеркнем: его в принципе не устраивает сам факт „юридического бытия” правоотношения, возникшего исключительно в результате существенного заблуждения, и именно удовлетворение иска о признании сделки недействительной способно обеспечить необходимую защиту такому интересу. То, что законодатель допускает адаптацию сделки, есть некий компромисс между недопустимостью связывать сторону правоотношением при отсутствии ее волеизъявления к таковому и интересом контрагента этой стороны вступить в договорную связь „на тех условиях, из представления о которых исходила сторона, действовавшая под влиянием заблуждения”. Однако такой компромисс не может и не должен приводить к ситуации, когда хотя бы на самый короткий период времени все же сохранялось бы правоотношение, опорочить которое просит заблуждавшийся.

Впрочем, отметим, что дискуссия о правовом эффекте, вызываемом признанием оспоримой сделки недействительной, имеет довольно глубокие корни, особенно – в контексте отграничения оспоримых сделок от сделок недействительных. В частности, в пандектной доктрине одно из отличий оспоримости от недействительности сводилось именно к тому, что „ничтожность действует с обратной силой, а оспоримость – на будущее время”⁶. Рамки данной работы не позволяют нам углубиться в серьезный доктринальный анализ доводов, обосновывающих перспективный поражающий правовой эффект. Тем не менее зададимся общим вопросом: а возможно ли выделить какие-то группы случаев, когда для правоотношений, трансформируемых по основаниям, связанным с пороком, могло бы быть установлено иное – *специальное* по отношению к выделенному выше общему правило? Полагаем, да, возможно.

Во-первых, вполне допустим вариант, когда правовые последствия ретроспективного поражения могут оказаться для стороны, действовавшей

---

⁶ См. Тузов Д. О. *Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции*. М.: Статут, 2007 // СПС „КонсультантПлюс”.

порочно, более выгодными, нежели те, что возникали бы при прекращении правоотношения на будущее время⁷. Очевидно, что такая ситуация в принципе нежелательна, ибо она стимулирует недобросовестное поведение. Здесь, полагаем, вполне разумно было бы наделить потерпевшего (истца) правом самому определить, каким должен быть поражающий эффект судебного решения:

- если ему, невзирая на возможную экономическую выгоду контрагента, все же важно опорочить сделку с момента ее совершения, то суд, установив наличие соответствующих оснований для оспаривания, должен обратить поражающий эффект в прошлое;

- если же, напротив, потерпевший считает, что его интересам более соответствует признание сделки недействительной лишь на будущее, то суд должен вынести иной судебный акт – к примеру, решение, поражающее правоотношение с момента вступления судебного акта в законную силу.

Применительно к механике судебной защиты наделение потерпевшего подобным правом должно представлять собой вариативность в формулировании искового требования: материальное законодательство должно допускать – в рамках такого способа защиты охраняемого законом интереса как признание оспоримой сделки недействительной – как требование о ретроспективном поражении материального правоотношения, так и требование о поражении этого правоотношения на будущее. Поскольку установление факта возможной выгоды ответчика (того, что правовые последствия ретроспективного поражения могут оказаться для него более выгодными, нежели те, что возникали бы при прекращении правоотношения на будущее время) может быть связано с фактическими действиями, произведенными им или третьими лицами в период с момента возбуждения судебного дела до решения его по существу, истец должен иметь возможность соответствующим образом изменять предмет иска, не будучи связанным:

---

⁷ В качестве примера здесь можно рассмотреть ситуацию, возникшую в связи с заключением договора аренды. Предположим, что арендатор при заключении такого договора обманул арендодателя. Арендодатель как потерпевший оспаривает такой договор аренды в судебном порядке. При этом к моменту вынесения судебного решения вещь уже передана арендатору, он ею фактически пользовался, однако при исполнении обязанности по уплате арендной платы допустил просрочку. Понятно, что для ответчика (арендатора) выгодно, чтобы договор аренды был опорожен с момента его заключения: тогда у его контрагента не будет возможности требовать уплаты договорной неустойки. Напротив, истцу (арендодателю) выгодно, чтобы материальное правоотношение прекратилось с момента вступления судебного решения о признании договора недействительным в законную силу: ответчик (арендатор) все равно уже воспользовался арендованным имуществом, однако при наличии договорного обязательства можно будет требовать и взыскания договорной неустойки, и исполнения иных обязанностей, которые возникли у арендатора в период с момента заключения договора до момента признания недействительным (например, исполнения обязанности произвести текущий ремонт).

а) формальными ограничениями о недопустимости одновременного изменения предмета и основания иска (ч. 1 ст. 49 Арбитражного процессуального кодекса РФ, ч. 1 ст. 39 Гражданского процессуального кодекса РФ);

б) запретом изменения предмета иска в апелляционной инстанции для случая, когда представленные ответчиком в эту инстанцию дополнительные доказательства повлекли вывод о наличии указанной выгоды.

Во-вторых, полагаем, что перспективный поражающий эффект судебного акта может быть реализован для случаев, когда оспариваемая сделка имеет ценность для оборота – например, когда возникшие у участников такой сделки права и обязанности связаны с реализацией прав большого числа других участников оборота⁸. Правда, здесь встает вопрос о границах судебного усмотрения в вопросе определения поражающего эффекта: может ли суд, установив наличие оснований для признания сделки недействительной, в отсутствие соответствующего волеизъявления сторон такой сделки обратить поражающий эффект в будущее? Видимо, утвердительный ответ на этот вопрос будет связан с тем, насколько существенным будет ущемление прав и законных интересов потерпевшей стороны (субъекта, предъявившего иск об оспаривании сделки): если сохранение договорного правоотношения, к примеру, до момента вступления судебного решения в законную силу не окажет существенного ущемления таких прав и интересов, то вполне допустимо использование перспективного поражающего эффекта.

В-третьих, отдельного рассмотрения требует ситуация, когда стороной сделки является слабый субъект⁹. Конечно, если этот субъект сам действовал порочно (например, обманул контрагента при совершении сделки, сообщив ему недостоверную информацию о предмете сделки), то учитывать его интерес при разрешении вопроса о поражающем эффекте судебного решения было бы несправедливо по отношению к другой стороне¹⁰. Однако рассмотрим две другие ситуации: первая – когда истцом является именно эта слабая сторона, и вторая – когда истцом является сильная сторона, однако

---

⁸ В качестве примера можно привести договор, заключаемый банком и процессинговой компанией, в соответствии с условиями которого банк наделяется правом осуществлять обслуживание банковских карт.

⁹ Потребитель в гражданско-правовом договоре, присоединившаяся сторона в договоре присоединения, получатель пожизненной ренты и т.п.

¹⁰ Предположим, физическое лицо, заключая договор обязательного страхования гражданской ответственности владельца автотранспортного средства, обмануло страховщика, представив документы, содержащие информацию, не соответствующую действительности. После наступления страхового случая страховая компания, выявив подлог, обратилась с иском об оспаривании такого договора. Очевидно, что если суд признает такой договор недействительным с момента вступления судебного решения в законную силу, он тем самым легитимирует порочное поведение страхователя, поскольку страховщик, исходя из того, что страховой случай наступил в период действия договора, обязан будет произвести страховую выплату.

порок сделки не связан с противоправными действиями слабой стороны либо лиц, за действия которых она отвечает (например, сильная сторона совершила сделку под влиянием существенного заблуждения).

Но для начала поставим вот какой вопрос: если цель защиты интересов слабого субъекта состоит только лишь в освобождении его от обязанности вернуть полученное по недействительной сделке, нужно ли тогда вообще использовать конструкцию перспективного поражающего эффекта или же достаточно ограничиться специальной нормой о неприменимости реституции? Мы склоняемся ко второму варианту. Объяснение, что называется, лежит на поверхности: нет нужды использовать такой довольно тонкий механизм, как судебное сохранение возникшего правоотношения до определенного момента, если единственная цель, которую надо достичь, это избавление слабого субъекта от явно неисполнимой обязанности¹¹.

Перспективный же поражающий эффект надлежит использовать тогда, когда для целей защиты интересов слабого субъекта ценно сохранение того материального правоотношения, которое возникло с момента совершения оспариваемой сделки. Что это за случаи? К примеру, сюда можно отнести длящиеся договоры, даже частичное исполнение которых представляет для слабой стороны самостоятельную ценность. Ретроспективное поражение материального правоотношения исключит для такой стороны возможность защиты своих прав, например, в случае ненадлежащего исполнения обязанностей контрагентом. Напротив, договоры, в которых исполнение носит „разовый” характер, по общему правилу должны порочиться с момента их заключения – при ином подходе могут возникнуть явно несправедливые ситуации, когда обязанности одного субъекта были исполнены в период действия договора, а обязанности другого прекратились в силу судебного признания сделки недействительной на будущее время.

Итак, для случая, когда истцом является именно слабая сторона, конечно же, вполне допустимо, чтобы суд учел интерес такой стороны к сохранению (в определенных временных пределах) материального правоотношения и признал оспоримую сделку недействительной на будущее. Но вот допустимо ли идти навстречу интересам слабой стороны, если истцом является ее контрагент? Ведь именно он пострадал от того или иного порока сделки, именно он стремится избавиться от „пут” возникшего обязательства. Подчеркнем – здесь мы ведем речь исключительно о тех случаях, когда слабая сторона к пороку сделки не причастна. Видимо, это наиболее сложный случай. Здесь отыскание ответа упирается в баланс интересов: с одной стороны, слабый субъект, который по логике должен быть наделен некими

---

¹¹ Наиболее яркий пример здесь – оспаривание договора пожизненного содержания с иждивением. Понятно, что в большинстве случаев получатель ренты при признании такого договора недействительным будет не в состоянии возместить стоимость содержания с иждивением, предоставленного плательщиком ренты.

(установленными законом) привилегиями, с другой – субъект, за которым на легальном уровне признана возможность судебной защиты интереса к признанию недействительной оспоримой сделки. Полагаем, что все-таки приоритет должна иметь защита интереса к опорочиванию сделки. Хотя, впрочем, не исключаем, что могут существовать такие договорные отношения, где более справедливым было бы прямо противоположное решение. Соответственно здесь возможны два магистральных направления: либо на уровне закона определить такие договорно-правовые институты, в которых интерес слабой стороны должен превалировать над интересом сильной к опорочиванию сделки с определенного момента, либо же отнести решение этого вопроса к сфере судебной дискреции.

В-четвертых, для случаев, когда оспоримая сделка не нарушает публичных интересов, а также интересов третьих лиц, полагаем вполне допустимым, чтобы сами спорящие стороны (потерпевший и лицо, действовавшее порочно) были наделены правом определить, с какого момента сделка признается недействительной. Это может быть сделано как в рамках института мирового соглашения¹², так и посредством использования так называемых условных соглашений сторон (имеются в виду такие соглашения истца и ответчика, которые порождают правовые последствия только лишь при вынесении строго определенного судебного акта¹³). Применительно к рассматриваемой ситуации условное соглашение истца и ответчика будет состоять в том, что спорящие стороны договариваются о прекращении связывающего их материального правоотношения в строго определенный момент при условии вынесения судом решения об удовлетворении.

---

¹² Допустимость использования института мирового соглашения в рамках рассмотрения судебных дел об оспаривании сделок, учитывая императивный характер норм о последствиях недействительности (ст. 167 ГК РФ), конечно же, совсем не очевидна. Однако действующее российское законодательство, полагаем, здесь не является должным ориентиром. На наш взгляд, такая допустимость может быть обоснована самой идеологией разграничения оспоримых и ничтожных сделок. Если доктрина и закон исходят из того, что поражение возникшего из оспоримой сделки правоотношения происходит только лишь вследствие волеизъявления заинтересованного субъекта, то почему это же волеизъявление должно игнорироваться после возбуждения судебного дела? Кто и как пострадает, если в правоотношении, не затрагивающем интересы третьих лиц и публичные интересы, стороны сами определяют правовые последствия конкретного дефекта сделки? Нужно ли ограничивать стороны в этом только лишь потому, что уже возбуждено судебное производство? И еще: может ли быть признано разумным то, что до возбуждения судебного дела стороны оспоримой сделки могут новировать или изменить обязательство сообразно тому, как представляют себе механику устранения последствий дефекта, а уже после такого возбуждения они такой возможности лишаются?

¹³ Подробнее об условных соглашениях см. Абушенко Д. Б. *Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: монография*. Тверь: Издатель Кондратьев А. Н., 2013 // СПС „КонсультантПлюс”.

SOME QUESTIONS ON ACERTAINMENT OF THE MOMENTS OF CHANGE AND TERMINATION OF LEGAL-MATERIAL RELATION IN A PROCESS OF ENACTING A SENTENCE ON A BASIS OF ACTION FOR A DECLARATORY JUDGEMENT

Summary

Problems are taken up in the article appears with formation suit rendition proceeding. Fundamentally different approaches are justified to definition of a moment of changing (stopping) of material legal relation with transformative judgment. As a general rule the author suggests to proceed from deprivation of positive legal consequences from a deal conclusion moment for impugment of basis linked to vice deal. At the same time the author tells of a special case when the moment of material legal ceasing could be postponed to the future with the low or agreements of the parties.

BIBLIOGRAFIA

Абушенко Д. Б., *Преобразовательное решение суда как юридический факт: некоторые вопросы ретроспективного и перспективного эффекта*, [w:] *Юридичні факти в системі правового регулювання*. Зб. наук. праць. Матеріали VI між-нар. наук.-практ. конф. (Київ, 26 лист. 2015 р.), Н. М. Пархоменко, М. М. Шумила, І. О. Ізарової (red.), Київ 2015

Абушенко Д. Б., *Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: монография*, Тверь 2013

Тузов Д. О., *Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции*, Москва 2007

KEYWORDS

formation suit, constitutive judgment, challenging of a transaction, change of the subject of the claim, defence of interest of weak part with challenging of a transaction, conditional agreement, settlement agreement

SŁOWA KLUCZOWE

powództwo o ukształtowanie prawa, wyrok kształtujący, podważanie czynności, zmiana przedmiotu powództwa, ochrona interesu słabszej strony przy podważaniu czynności, warunkowe ugody, ugoda